

ства и характеристика характера и организации монастырского хозяйства (стр. 5—7). Соответственно и три главы работы носят названия: „Монастырская феодальная собственность в Северной и Средней Македонии в XIV в.“, „Зависимое монастырское население“, „Монастырское хозяйство“.

Нельзя не согласиться с утверждением Д. Ангелова, что „история Северной и Средней Македонии в XIV в.—это не только история бурных политических событий... , но и история наивысшего развития феодальных отношений“ (стр. 15). Именно в XIV в. особенно быстро росло монастырское землевладение. Как показывает автор, рост этот шел главным образом за счет крестьянских сел, попадающих под власть македонских монастырей. К концу века общее количество монастырских сел дошло (по сохранившимся документам) до 200. При этом особенно примечательно, что основная масса сел — около 25 — оказалась в руках крупнейшего собственника Македонии — Хиландарского монастыря. Автор подчеркивает, что особенно бурный рост числа монастырских сел имел место во время правления Стефана Душана: до 1331 г. число сел у монастырей едва достигало 35 (стр. 28). Автор утверждает, что монастыри создавали двойной режим в подвластных им селах, наделы оставались в руках крестьян, в то время как альменда переходила в распоряжение церковного вотчинника (стр. 36). Первый род земель Д. Ангелов именует *terra indominicata*, второй *terra dominicata*. Этому делению автор отводит важное место в своих дальнейших построениях.

Второй составной частью крупного монастырского землевладения, по мнению Д. Ангелова, являлись метохи. Так как многие метохи были основаны светскими землевладельцами и являлись первоначально личной собственностью их ктиторов, то включение этих метохов в состав владений крупных монастырей наглядно доказало, как справедливо отмечает автор, что собственность светских феодалов интенсивно переходила в руки церкви (стр. 44).

Среди категорий зависимого населения наибольшее внимание исследователя привлекает широкая прослойка париков (меропхов). Д. Ангелов отмечает, что в ее состав входят также ремесленники, священники и другие мелкие группы. Парики полагают наследственными наделами („баштинами“), носящими как индивидуально-семейный, так и задружный характер (стр. 96). Помимо париков, некоторую часть зависимого населения составляют влахи — кочевое пастушеское население, лишь постепенно переходящее к оседлому образу жизни. Переход влахов к оседлости, по мнению Д. Ангелова, вызывался главным образом тем, что горные пастбища захватывались феодальными собственниками (стр. 105). Подробная характеристика отроков и сокальников, близких к византийским „элеветерам“, завершает этот анализ положения македонского крестьянства.

Интересно написан параграф третий второй главы, посвященный проблеме крепостной зависимости в Македонии (стр. 119 сл.). Особо следует отметить, что Д. Ангелов, в противовес утверждению некоторых буржуазных историков (М. Влайнац, Т. Тарановский), а также современных югославских ученых, отрицает существование крепостного населения в городах Македонии (стр. 121).

Очень богата материалом третья глава работы „Монастырское хозяйство“. Основное внимание Д. Ангелов уделяет исследованию организации монастырского хозяйства. Он отмечает (стр. 158), что это хозяйство удовлетворяло потребности вотчинника главным образом при посредстве ангарий (отработочная рента), которые подразделялись на 3 вида: барщины скотоводческие, барщины полевые и работы, удовлет-